

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании**

Ананьева О.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: [oananyeva@hse.ru](mailto: oananyeva@hse.ru)

Прусова И.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: [iprusova@hse.ru](mailto: iprusova@hse.ru)

Захарова С.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: [s.zakharova9600@gmail.com](mailto: s.zakharova9600@gmail.com)

Настоящее исследование направлено на изучение роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании. В онлайн-исследовании приняли участие 739 жителей России (381 мужчина и 358 женщин) в возрасте от 18 до 79 лет ($M = 36.8$, $SD = 11.5$). Участникам предлагалось заполнить методики для измерения потребности в когнитивной завершенности, веры в опасный и конкурентный мир, страха смерти, потребности в разделенной реальности и принятия мифов об изнасиловании. Результаты моделирования структурными уравнениями показали, что наибольший вклад в принятие мифов об изнасиловании вносят потребность в порядке (эпистемические мотивационные основания) и вера в конкурентный мир (экзистенциальные мотивационные основания). Представленное исследование позволило выявить ключевые мотивационные основания принятия разных мифов об изнасиловании, что можно использовать для разработки программ, направленных на снижение толерантности к проявлению насилия.

Ключевые слова: мифы об изнасиловании, вера в конкурентный мир, потребность в когнитивной завершенности, вера в опасный мир, страх смерти, гендерное насилие.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитаты: Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А. Почему люди оправдывают насилие: роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101

Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance

Olga A. Ananyeva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Sofia A. Zakharova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

The purpose of this study was to examine the role of existential, epistemic, and relational motivational foundations in the enactment of rape myths. The online study empirically tested a model in which motivational foundations were included as predictors, rape myth acceptance as dependent variables, socio-demographic characteristics (gender, education, and income level) - control variables. A total of 739 Russian residents (381 men and 358 women) aged 18 to 79 years ($M=36.8$, $SD=11.5$) participated in the online study. Participants were asked to complete questionnaires to measure need for cognitive closure, belief in a dangerous and competitive world, fear of death, shared reality, and acceptance of rape myths. Structural equation modeling showed that the most significant contribution in the support of the rape myth is made by the need for order (epistemic motivational foundations) and belief in a competitive world (existential motivational foundations). The current research shed light on the main motivational foundations of the rape myth acceptance that might be used in the social programs to reduce tolerance towards violence.

Keywords: rape myths, belief in a competitive world, need for cognitive closure, belief in a dangerous world, fear of death, gender-based violence.

Funding. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024.

For citation: Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A. Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101 (In Russ.).

Введение

По данным статистики МВД о состоянии преступности в России, количество совершенных изнасилований и покушений на изнасилование остается достаточно стабильным на протяжении последних трех лет: 2021 — 3457, 2022 — 3311, 2023 (январь—июнь) — 1551 [2]. По количеству зарегистрированных заявлений в полицию, в 2021 г. наблюдался рост изнасилований и покушений на изнасилование на 32,4% с 2020 г. В этом случае рассматриваются только те случаи, когда пострадавшие от сексуализированного насилия обращались в право-

охранительные органы за помощью, что не всегда находит выражение и в действительности может свидетельствовать о большем количестве таких преступлений.

Согласно теории оправдания системы, ситуация сексуализированного насилия может выступать угрозой существующей системе гендерных отношений [17]. Столкновение с информацией, которая не соотносится с безопасной, справедливой и упорядоченной картиной мира, приводит к необходимости восстановления контроля и предсказуемости существующего устройства [17; 18]. Для этого люди прибегают к рационализации и оправданию статус-кво, что на уровне установок находит выражение в поддержке сексизма, ориентации на социальное доминирование, правого авторитаризма и консерватизма [17]. Помимо ориентации на сохранение традиционной системы гендерных ролей, для объяснения возникающих угроз люди также обращаются к атрибуции вины и ответственности за произошедшее [18]. Например, в ситуации сексуализированного насилия таким защитным механизмом может выступать принятие мифов об изнасиловании [22].

Под мифами об изнасиловании принято считать широко распространенные установки, верования и часто ошибочные суждения о сексуализированном насилии, которые служат для отрицания или оправдания мужской сексуальной агрессии в отношении женщин [9]. Исследователи выделяют категории мифов, которые перекладывают ответственность за случившееся на пострадавшую (мифы «Она этого хотела», «Она сама напросилась»), отрицают изнасилование («Это не было настоящим изнасилованием», «Она солгала»), обесценивают изнасилование («Изнасилование — это обычное дело») или, наоборот, рассматривают изнасилование как нечто редкое и исключительное («Изнасилование — девиантное происшествие») и оправдывают агрессора («Он не имел это в виду») [7; 24]. Несмотря на то, что исследование мифов об изнасиловании продолжается на протяжении 40 лет, наибольший фокус в исследованиях отношения к сексуализированному насилию уделяется связи с легитимирующими статус-кво установками, в частности, с сексизмом, гендерным эссенциализмом и оправданием гендерной системы [20], правым авторитаризмом [21] и ориентацией на социальное доминирование [8]. При этом остается открытым вопрос о причинах и психологических механизмах, объясняющих распространенность таких мифов.

В рамках теории оправдания системы и мотивированного социального познания принятие мифов об изнасиловании, как пример ориентации на сохранение статус-кво, можно рассматривать через перспективу мотивационных оснований. Предполагается, что оправдание статус-кво обусловлено экзистенциальными (избегание потенциальных угроз и обеспечение безопасности), эпистемическими (совладание с ситуацией неопределенности) и реляционными (поддержание отношений с другими людьми) основаниями [17; 27].

Исследования экзистенциальных мотивационных оснований показывают, что вера в опасный и конкурентный мир, страх смерти приводят как к большей представленности установок, закрепляющих неравенство, так и оправданию насилия [11; 13—14; 25; 31]. Причем для веры в опасный мир ключевым основанием выступает поддержка традиционной системы гендерных ролей и норм: для веры в конкурентный мир — это статус и сохранение существующей иерархии в обществе, для страха смерти — подтверждение культурного мировоззрения (согласованность с личными нормами и ценностями) [10; 11; 32]. В этом случае приписывание вины за произошедшее низкостатусной или девиантной группе, нарушающей традиционные нормы или ценности, позволяет восстановить ощущение безопасности и стабильности системы социальных отношений.

При изучении роли эпистемических мотивационных оснований в поддержке установок, легитимизирующих гендерное неравенство и насилие, исследователи обращаются к потребности в когнитивной завершенности [6; 23; 26; 33]. Потребность в когнитивной завершенности позволяет задействовать автоматические стратегии обработки информации, эвристики и экономить когнитивные усилия в ситуации совладания с неопределенностью [26; 29]. В этом случае черно-белое мышление в отношении «плохой жертвы», «нормальных людей, которые не совершают преступлений» или исключительных обстоятельств (посещение социально-неблагополучных районов) для объяснения причин насилия приводит к упорядочиванию и определенности существующей картины мира [12].

Реляционные мотивационные основания, в частности потребность в разделенной реальности, также рассматриваются в качестве предикторов установок, легитимизирующих гендерное неравенство [17] и дискриминацию в отношении женщин [27]. Наличие похожих взглядов и чувств относительно миропорядка и устройства системы гендерных отношений способствует укреплению социальных отношений и реализации потребности в принадлежности [15]. В этом случае представленность в дискурсе определенных мифов об изнасиловании и последующая интернализация конвенциональных взглядов позволяет находить согласие и поддержку в процессе межличностного взаимодействия.

Несмотря на значительный объем работ, посвященных изучению связи установок, оправдывающих гендерное неравенство, и принятия мифов об изнасиловании, в исследовательском поле не представлен комплексный анализ мотивационных оснований отдельных категорий мифов об изнасиловании. Новизна данного исследования заключается в попытке изучения отношения к сексуализированному насилию через призму мотивационных оснований оправдания, поддержки и защиты статус-кво в системе гендерных отношений, так как насилие в отношении женщин может быть инструментом закрепления гендерного неравенства.

Цель настоящего исследования состояла в изучении роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании. Исследовательский вопрос работы: какой вклад вносят эпистемические, экзистенциальные и реляционные мотивационные основания в принятие разных мифов об изнасиловании?

В рамках данного исследования была осуществлена эмпирическая проверка модели, включающей мотивационные основания: экзистенциальные (страх смерти, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир), эпистемические (потребность в когнитивной завершенности) и реляционные (потребность в разделенной реальности) в качестве предикторов; принятие мифов об изнасиловании в качестве зависимой переменной; социально-демографические характеристики (пол, уровень дохода и уровень образования) в качестве контрольных переменных. Выбор контрольных переменных обусловлен различиями в принятии мифов об изнасиловании среди респондентов разного пола, уровня дохода и образования. Результаты предыдущих исследований показывают, что мужчины и люди с низким уровнем образования [19], а также люди с низким уровнем дохода [35] склонны к большему принятию мифов об изнасиловании.

Выборка

В настоящем исследовании приняли участие 739 совершеннолетних россиян (381 (51,6%) мужчин и 358 (48,4%) женщин) в возрасте от 18 до 79 лет ($M = 36,85$; $SD = 11,46$) из разных регионов России. Большая часть респондентов (41,8 %) имели высшее образование, 31,5 % респондентов имели среднее специальное образование (техникум), 11,2 % респондентов —

незаконченное высшее образование или в момент исследования обучались на программах бакалавриата. Медианный доход респондентов по выборке составлял от 20 до 30 тыс. рублей. Большинство респондентов идентифицировали себя как русских (88,9%) и не считали себя религиозными людьми (46,5%).

Процедура

Опрос был проведен в марте 2023 г. на платформе SurveyMonkey, рекрутинг респондентов осуществлялся с помощью ресурса «Яндекс.Толока». За участие в исследовании респонденты получали небольшое денежное вознаграждение. Участников ознакомили с целью и процедурой исследования, после информированного согласия участники приступали к заполнению опроса. Участникам предлагалось заполнить методики на измерение страха смерти, веры в опасный мир, веры в конкурентный мир, потребности в когнитивной завершенности, потребности в разделенной реальности, принятия мифов об изнасиловании, а также указать социально-демографические характеристики.

Методики

Страх смерти измерялся с помощью субшкалы «Страх смерти» из методики «Отношение к смерти» [5; 34], включающей четыре утверждения ($\alpha = ,89$; «Неопределенность того, что произойдет после смерти, беспокоит меня»). Участники исследования отмечали согласие с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Вера в опасный мир измерялась с помощью русскоязычной версии методики, состоящей из пяти утверждений ($\alpha = ,83$; «В нашем обществе существует большая вероятность стать жертвой нападения, ограбления или убийства») [1; 11]. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Вера в конкурентный мир измерялась с помощью русскоязычной версии методики, состоящей из пяти утверждений ($\alpha = ,80$; «Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели») [1; 11]. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Потребность в когнитивной завершенности измерялась посредством шкалы [4, 26] из 12 утверждений в адаптации О. Хухлаева и М. Ясина. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 6 («Абсолютно согласен»). Методика включает четыре субшкалы: нетерпимость к двусмысленности ($\alpha = ,48$; «Мне не нравятся вопросы, на которые можно ответить по-разному»); потребность в порядке ($\alpha = ,83$; «Мне нравится четкий и структурированный образ жизни»); потребность в завершенности ($\alpha = ,48$; «Я чувствую дискомфорт, когда не понимаю, почему то или иное событие произошло в моей жизни»); потребность в предсказуемости ($\alpha = ,52$; «Я не люблю непредсказуемых ситуаций»). Из-за низких показателей внутренней согласованности некоторых субшкал для дальнейшего анализа была использована только субшкала потребности в порядке, удовлетворяющая допустимому уровню коэффициента надежности ($\alpha > ,60$) [16].

Потребность в разделенной реальности измерялась посредством шкалы [14] из трех утверждений ($\alpha = ,70$; «Я не считаю необходимым соглашаться с тем, как видят мир другие люди»). Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»). Утверждения были перекодированы таким образом, что большие значения переменной соответствовали большей потребности в разделенной реальности.

Принятие мифов об изнасиловании измерялось с помощью адаптированной на русский язык методики [7; 24], состоящей из 21 утверждений и 7 субшкал: «Она этого хотела» (WI, $\alpha = ,84$; «Многие женщины находят принуждение к сексу очень возбуждающим»); «Он не имел это в виду» (MT, $\alpha = ,66$; «Мужчины насилуют из-за постоянного желания секса»); «Изнасилование — это обычное дело» (TE, $\alpha = ,81$; «Если женщина не девственница, то нет проблемы в том, что партнер принуждает ее к сексу»); «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE, $\alpha = ,61$; «Изнасилования чаще происходят в неблагополучных районах»); «Она солгала» (LI, $\alpha = ,75$; «Обвинения в изнасиловании часто используются как способ отомстить мужчинам»); «Это не было настоящим изнасилованием» (NR, $\alpha = ,80$; «Если мужчина не угрожал женщине оружием, принуждая ее к сексу, то это нельзя назвать изнасилованием»); «Она сама напросилась» (SA, $\alpha = ,80$; «Женщине в откровенном наряде не стоит удивляться, если мужчина будет принуждать ее к сексу»). Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Полностью не согласен») до 7 («Полностью согласен»).

Анализ данных реализован в RStudio с использованием корреляционного и регрессионного анализа [28]. Изучение вклада эпистемических, экзистенциальных и реляционных мотивационных оснований в принятии разных мифов об изнасиловании осуществлялось с помощью моделирования структурными уравнениями [28]. Качество модели оценивалось посредством таких показателей, как сравнительный индекс соответствия ($CFI \geq 0.90$), отношение хи-квадрата к числу степеней свободы ($\chi^2 / df < 3$), индекс Такера—Льюиса ($TLI \geq 0.90$), среднеквадратическая ошибка аппроксимации ($RMSEA < 0,06$), стандартизованный корень среднеквадратического остатка ($SRMR \leq 0,08$) [30].

Результаты

В табл. 1 представлены описательные статистики и корреляции между переменными. На основе корреляционного анализа было установлено, что все категории мифов об изнасиловании положительно связаны друг с другом (коэффициенты корреляции r варьируются от ,34 до ,65) и с верой в конкурентный мир ($r \in [,16; ,36]$); все мифы, за исключением «Она этого хотела», положительно связаны с потребностью в порядке ($r \in [,10; ,19]$); все мифы, за исключением «Это не было изнасилованием», положительно связаны с верой в опасный мир ($r \in [,09; ,16]$). Страх смерти слабо, но положительно связан с категорией «Он не имел это в виду» ($r = ,07$). Все категории мифов отрицательно связаны с полом респондентов (женщины менее склонны выражать согласие с мифами об изнасиловании); мифы «Она этого хотела», «Он не имел это в виду», «Изнасилование — это обычное дело» и «Она сама напросилась» отрицательно связаны с потребностью в разделенной реальности ($-0,09, -0,08, -0,12$ и $-0,13$ соответственно); также мифы «Она этого хотела», «Он не имел это в виду», «Это не было настоящим изнасилованием» и «Она сама напросилась» отрицательно связаны с уровнем образования респондентов ($-0,09; -0,09; -0,12; -0,10$ соответственно).

Для оценки вклада эпистемических, экзистенциальных и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании было реализовано моделирование структурными уравнениями. Конструкты, которые были измерены с помощью шкал, включались в модель как латентные переменные; в качестве контрольных переменных были добавлены социально-демографические характеристики (пол, уровень дохода, уровень образования). Представленная модель показала хорошее соответствие данным $\chi^2(773) = 1896^{***}$; $RMSEA = 0,044 [0,042; 0,047]$; $SRMR = 0,048$; $TLI = 0,901$; $CFI = 0,915$; $AIC = 99431$; $BIC = 100200$. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 1
Описательные статистики, согласованность шкал и корреляции (N = 739)

	M (SD)	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	3,30 (1,43)	,84	1														
2	3,51 (1,32)	,66	,43 ***	1													
3	4,16 (,99)	,81	,35 ***	,65 ***	1												
4	3,47 (3,47)	,61	,35 ***	,44 ***	,53 ***	1											
5	3,63 (3,63)	,75	,59 ***	,42 ***	,36 ***	,41 ***	1										
6	2,73 (2,73)	,80	,55 ***	,50 ***	,34 ***	,51 ***	,57 ***	1									
7	3,72 (1,63)	,80	,51 ***	,47 ***	,43 ***	,42 ***	,50 ***	,59 ***	1								
8	3,77 (1,04)	,83	,05	,13 ***	,17 ***	,19 ***	,10 **	,13 ***	,15 ***	1							
9	4,35 (1,63)	,89	- ,01	,07*	,06	,02	- ,04	- ,03	- ,06	,15 ***	1						
10-	4,66 (1,12)	,83	,15 ***	,15 ***	,14 ***	,09*	,16 ***	,07	,13 ***	,12 ***	,25 ***	1					
11	3,58 (1,16)	,80	,36 ***	,25 ***	,16 ***	,20 ***	,30 ***	,30 ***	,19 ***	,02	,07	,27 ***	1				
12	4,96 (1,11)	,70	- ,09 *	-,08 *	- ,12 **	-,03	- ,07	- ,00	- ,13 ***	- ,06	- ,14 ***	- ,33 ***	- ,18 ***	1			
13			- ,27 ***	-,12 ***	- ,09 *	-,24 ***	- ,33 ***	- ,35 ***	- ,21 ***	- ,01	,17 ***	,00	- ,14 ***	- ,10 **	1		
14	4,01 (1,19)		- ,09 *	-,09 *	- ,04	-,05	- ,07	- ,12 **	- ,10 **	,04	,01	- ,08 *	- ,09 *	- ,02	,14 ***	1	
15	3,62 (2,27)		,02	-,02	- ,03	,02	,05	,05	- ,01	- ,05	- ,13 ***	- ,11 **	,02	,06	- ,13 ***	,21 ***	1

Примечание: переменные — 1. «Она этого хотела»; 2. «Он не имел это в виду»; 3. «Изнасилование — это обычное дело»; 4. «Изнасилование — девиантное происшествие»; 5. «Она солгала»; 6. «Это не было настоящим изнасилованием»; 7. «Она сама напросилась»; 8. Потребность в порядке; 9. Страх смерти; 10. Вера в опасный мир; 11. Вера в конкурентный мир; 12. Разделенная реальность; 13. Пол; 14. Образование; 15. Доход.

«*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$; Пол (1 = Женщины; 0 = Мужчины).

Таблица 2

Результаты моделирования структурными уравнениями

Переменная	WI		LI		TE		DE		MT		NR		SA	
	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}
Потребность в порядке	,09 (,06)	-,06	,11 (,05) *	,10 *	,18 (,06) **	,13 **	,15 (,04) ***	,23 ***	,20 (,06) ***	,18 ***	,30 (,07) ***	,20 ***	,30 (,07) ***	,19 ***
Страх смерти	-,02 (,03)	-,03	-,01 (,03)	-,02	,01 (,03)	,01	,00 (,02)	,01	,04 (,03)	,06	-,03 (,04)	-,03	-,09 (,04)*	-,10 *
Вера в конкурентный мир	,78 (,13) ***	,35 ***	,50 (,10) ***	,29 ***	,80 (,13) ***	,36 ***	,22 (,06) ***	,22 ***	,45 (,10) ***	,26 ***	,73 (,13) ***	,32 ***	,41 (,13) ***	,16 ***
Вера в опасный мир	,03 (,06)	,02	,06 (,05)	,06	-,15 (,06) *	-,12 *	-,02 (,03)	-,04	,03 (,06)	,03	-,07 (,07)	-,05	,01 (,08)	,01
Разделенная реальность	-,15 (,08)	-,09	-,09 (,06)	-,08	,02 (,08)	,01	,01 (,04)	,01	-,08 (,07)	-,07	-,04 (,08)	-,02	-,21 (,09) *	-,12 *
Пол	-,64 (,09) ***	-,27 ***	-,61 (,08) ***	-,33 ***	-,77 (,09) ***	-,33 ***	-,32 (,06) ***	-,29 ***	-,27 (,08) ***	-,15 ***	-,83 (,10) ***	-,34 ***	-,53 (,11)	-,20
Образование	-,06 (,04)	-,06	-,01 (,03)	-,02	-,11 (,04) **	-,11 **	-,01 (,02)	-,02	-,06 (,04)	-,08	-,10 (,04) *	-,09 *	-,09 (,05)	-,08
Доход	,01 (,02)	,01	,01 (,02)	,03	,04 (,02)*	,08*	-,00 (,01)	-,01	-,00 (,02)	-,01	,04 (,02)	,07	,00 (,02)	,00
R ²	,24		,16		,25		,27		,14		,18		,27	

Примечание: WI — «Она этого хотела»; LI — «Она солгала»; TE — «Изнасилование — это обычное дело»; DE — «Изнасилование — девиантное происшествие»; MT — «Он не имел это в виду»; NR — «Это не было настоящим изнасилованием»; SA — «Она сама напросилась»; Пол (1 = Женщины; 2 = Мужчины); «*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$.

В рамках полученной модели было подтверждено, что ключевым предиктором для принятия разных мифов об изнасиловании является вера в конкурентный мир. Вера в конкурентный мир вносит положительный вклад в поддержку таких мифов, как «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = 0,41$; SE = 0,13; $z = 3,26$; $p = 0,001$), «Она солгала» (LI) ($\beta = 0,50$; SE = 0,10; $z = 5,27$; $p < 0,001$), «Она этого хотела» (WI) ($\beta = 0,78$; SE = 0,13; $z = 6,17$; $p < 0,001$), «Он не имел это в виду» (MT) ($\beta = 0,45$; SE = 0,10; $z = 4,32$; $p < 0,001$), «Это не было настоящим изнасилованием» (NR) ($\beta = 0,73$; SE = 0,13; $z = 5,66$; $p < 0,001$), «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = 0,80$; SE = 0,13; $z = 6,28$; $p < 0,001$), «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE) ($\beta = 0,22$; SE = 0,06; $z = 3,60$; $p < 0,001$).

Потребность в порядке вносит положительный вклад в принятие таких мифов, как «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = 0,30$; $SE = 0,07$; $z = 4,16$; $p < 0,001$), «Она солгала» (LI) ($\beta = 0,11$; $SE = 0,05$; $z = 2,33$; $p = 0,020$), «Он не имел это в виду» (MT) ($\beta = 0,20$; $SE = 0,06$; $z = 3,70$; $p < 0,001$), «Это не было настоящим изнасилованием» (NR) ($\beta = 0,30$; $SE = 0,07$; $z = 4,57$; $p < 0,001$), «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = 0,18$; $SE = 0,06$; $z = 3,07$; $p = 0,002$), «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE) ($\beta = 0,15$; $SE = 0,04$; $z = 4,27$; $p < 0,001$).

При этом вера в опасный мир вносит негативный вклад в принятие мифа «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = -0,15$; $SE = 0,06$; $z = -2,35$; $p = 0,019$), страх смерти — «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = -0,09$; $SE = 0,04$; $z = -2,36$; $p < 0,018$). Потребность в разделенной реальности вносит только отрицательный вклад в поддержку мифа «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = -0,21$; $SE = 0,09$; $z = 2,31$; $p = 0,021$) (рис. 1).

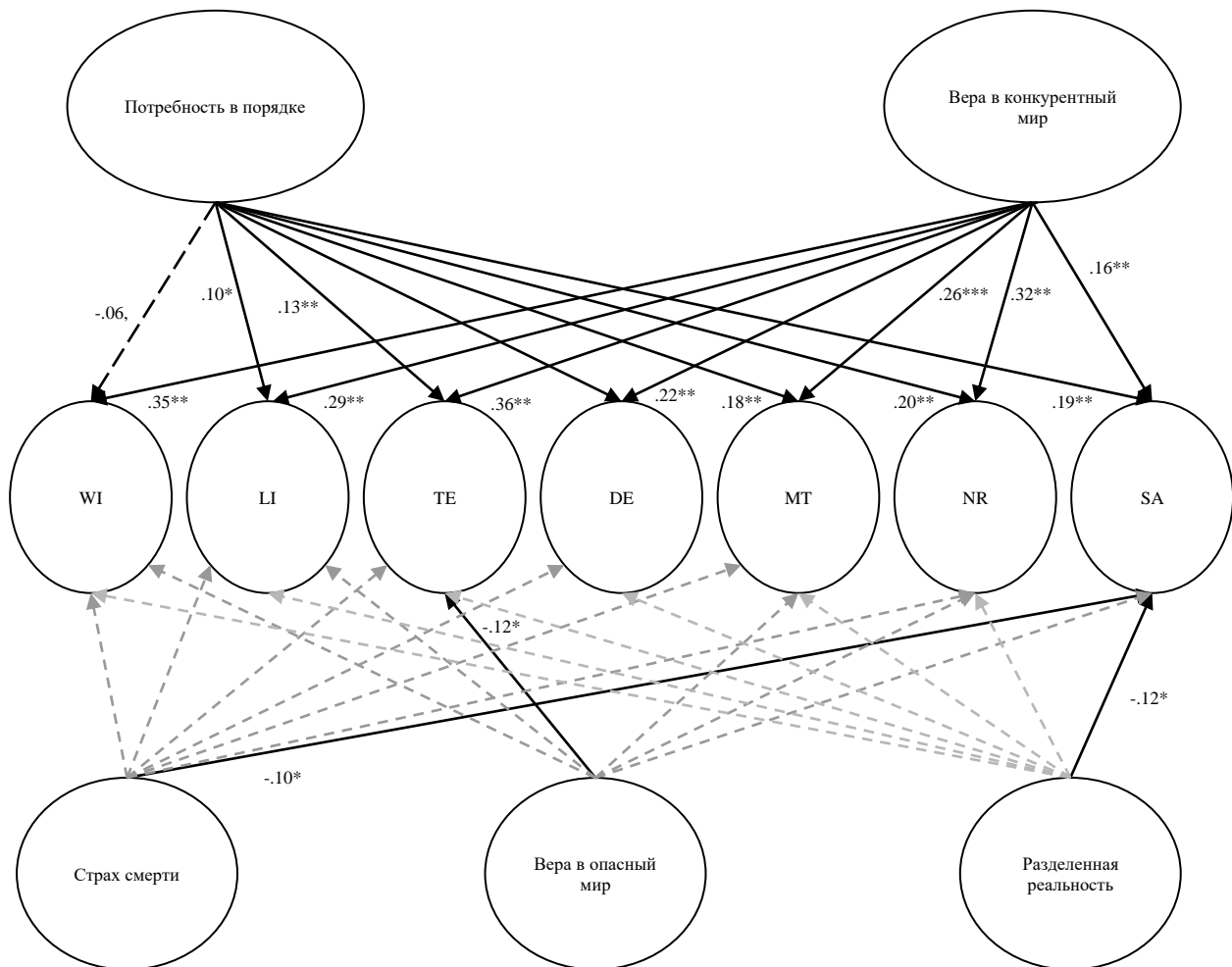

Рис. 1. Эмпирическая модель мотивационных оснований поддержки мифов об изнасиловании: WI — «Она этого хотела»; LI — «Она солгала»; TE — «Изнасилование — это обычное дело»; DE — «Изнасилование — девиантное происшествие»; MT — «Он не имел это в виду»; NR — «Это не было настоящим изнасилованием»; SA — «Она сама напросилась»; коэффициенты отображают стандартизованные β ; «*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$; пунктирные линии отображают незначимые связи

Роль социально-демографических переменных в принятии мифов об изнасиловании повторяет результаты прошлых исследований: оправдание насилия в большей степени находит выражение среди мужчин и среди людей с низким уровнем образования [19]. При этом уровень образования оказывает роль в поддержании мифов, которые связаны с отрицанием и оправданием изнасилования. Однако уровень дохода не выступает таким предиктором; напротив, люди с высоким уровнем дохода в большей степени поддерживают миф о том, что «Изнасилование — это обычное дело».

В целом, представленные результаты позволяют утверждать, что эпистемические и экзистенциальные мотивационные основания вносят значимый и независимый вклад в принятие разных мифов об изнасиловании.

Обсуждение результатов

Представленное исследование было направлено на изучение роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных потребностей в принятии разных мифов об изнасиловании. Результаты исследования продемонстрировали, что наибольший вклад в принятие мифов об изнасиловании вносят вера в конкурентный мир, потребность в порядке и пол респондентов.

Люди, которые рассматривают мир как дикие джунгли и арену для конкуренции с другими людьми, где выживают сильнейшие, склонны в большей степени разделять и поддерживать разные мифы о сексуализированном насилии, в том числе отрицающие изнасилование, оправдывающие насильника и приписывающие вину пострадавшей стороне. Положительная связь между верой в конкурентный мир и поддержкой мифов о гендерном насилии может быть связана с угрозой статусу и предпочтением гендерной иерархии, что в целом согласуется с результатами предыдущих исследований [31]. Согласно содержанию враждебных сексистских установок женщины могут восприниматься как угроза статусу и власти мужчин, а поэтому насилие со стороны мужчин в отношении женщин может быть использовано для сохранения положения в существующей социальной иерархии. Это также объясняет значимый вклад пола респондентов в поддержку мифов о насилии: мужчины более склонны поддерживать и оправдывать сексуализированное насилие по сравнению с женщинами [19].

Однако не были выявлены значимые связи между верой в опасный мир и принятием большинства мифов. Полученные результаты могут свидетельствовать о специфике воспринимаемой угрозы, в частности, источника угрозы. Вера в опасный мир не предполагает определенного источника угрозы (мир сам по себе является опасным), в то время как содержание мифов об изнасиловании в большинстве случаев включает конкретных акторов, представляющих угрозу (агрессор или пострадавшая). Единственная значимая связь обнаружена между верой в опасный мир и категорией мифов, рассматривающих изнасилование как тривиальное событие. Люди, склонные верить в опасность мира, скорее будут отрицать тривиальность изнасилования, в этом случае подчеркивание исключительности таких событий позволяет восстановить чувство контроля и стабильности системы общественных отношений [17].

Личный страх смерти в рамках представленной модели вносит негативный вклад в поддержку категории мифов «Она сама напросилась», которая рассматривает пострадавшую как «неосторожную» и поэтому подвергшуюся насилию. В этом случае страх смерти может актуализировать эмпатию и страх за других людей и вести к тому, что люди будут менее склонны оправдывать насилие над неосторожными, но безвинными пострадавшими. В то же время такая установка может представлять элемент культурного мировоззрения и, соответ-

ственно, при актуализации мыслей о смерти выступать защитным механизмом для восстановления чувства контроля [10].

Анализ роли эпистемических мотивационных оснований показал значимую положительную взаимосвязь между потребностью в порядке и большинством категорий мифов. Люди, обладающие высокой потребностью в порядке, предпочитают простую и упорядоченную картину мира [33], а мифы об изнасиловании предлагают простую картину, которая позволяет экономить когнитивные ресурсы [9]. К тому же перекладывание ответственности на пострадавших и отрицание изнасилования может подкрепляться представлениями о мире как справедливом и упорядоченном [9; 18]. В таком мире подобные проблемы случаются или в исключительных обстоятельствах (посещение неблагополучных районов), или с низкостатусными группами, которые демонстрируют девиантные формы поведения, или с теми, кто этого заслуживает. При этом потребность в порядке не предсказывает принятие мифа «Она этого хотела». Представленная категория подразумевает активную роль женщины в произошедшем, что может не соотноситься с представлениями о традиционной системе гендерных ролей и, как следствие, не использоваться для совладания с ситуацией неопределенности.

Реляционные мотивационные основания в виде потребности в разделенной реальности вносят негативный вклад в принятие мифа «Она сама напросилась». Чувство общности с другими в этом случае приводит к снижению готовности принимать мифы, в которых причиной выступает неосторожное поведение жертвы. В целом, это соответствует общественным нормам осуждения насилия, представленным в дискурсе и культуре, в отношении незащитных людей [3]. В то же время потребность в разделенной реальности не предсказывает другие мифы, что может свидетельствовать о сензитивности темы для поиска согласия или общего взгляда на проблему.

Выводы

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Теоретическая модель роли эпистемических, экзистенциальных и реляционных потребностей в принятии разных мифов об изнасиловании воспроизводится на российской выборке. Полученный результат свидетельствует о том, что принятие мифов об изнасиловании позволяет реализовывать потребности в безопасности, порядке и разделенной реальности.

2. Вера в конкурентный мир и потребность в порядке выступают ключевыми предикторами принятия большинства мифов об изнасиловании. Принятие мифов об изнасиловании позволяет, прежде всего, снижать воспринимаемую угрозу (экзистенциальные мотивационные основания) и сохранять непротиворечивую и упорядоченную картину отношений между разными группами (эпистемические мотивационные основания). При этом в меньшей степени отмечается реализация потребности в разделенной реальности.

Однако настоящая работа обладает рядом ограничений. Во-первых, низкая надежность субшкал потребности в когнитивной завершенности затрудняет изучение роли других факторов «закрытости» мышления (нетерпимость к двусмысленности, потребность в предсказуемости и завершенности). Во-вторых, существует возможность альтернативного объяснения поддержки мифов, связанного с верой в справедливый мир и восприятием различных источников угроз, предлагающего другие психологические механизмы оправдания насилия и перекладывания ответственности на пострадавших [20; 22]. В-третьих, реляционные основания поддержки установок, легитимизирующих неравенство и насилие, в настоящем исследовании ограничиваются только потребностью в разделенной реальности, не учитывая потребно-

сти в отношениях и принадлежности, которые могут играть большую роль в рассматриваемом контексте [15]. Устранение указанных ограничений в последующих работах позволит провести более глубокий анализ причин популярности представленных мифов и предложить социальные программы, направленные на снижение толерантности к проявлению насилия и повышение психологического благополучия.

Литература

1. Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 2. С. 68–89.
2. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 15.07.2023).
3. Худой мир — или добрая ссора? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraja-ssora> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. doi:10.17759/sps.2021120307
5. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Том 8. № 4 (29). С. 43–55.
6. Baldner C., Pierro A. The Trials of Women Leaders in the Workforce: How a Need for Cognitive Closure can Influence Acceptance of Harmful Gender Stereotypes // Sex Roles. 2019. Vol. 80(9-10). P. 565–577. doi:10.1007/s11199-018-0953-1
7. Balezina M., Zakharova S. Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the Illinois rape myths acceptance scale // Current Psychology. 2023. P. 1–11. doi:10.1007/s12144-023-04666-2
8. Canto J.M., San Martín J., Perles F., Vallejo M. Persons Who Fear Freedom and Equality Are the Ones Who Most Blame Women Who are Victims of Acquaintance Rape // Violence Against Women. 2021. Vol. 27(6-7). P. 731–747.
9. Cooke E.M., Lewis R.H., Hayes B.E., Bouffard L.A., Boisvert D.L., Wells J., Kavish N., Woekene M., Armstrong T.A. Examining the Relationship Between Victimization, Psychopathy, and the Acceptance of Rape Myths // Journal of Interpersonal Violence. 2022. Vol. 37(9-10). P. NP6384–NP6404. doi:10.1177/0886260520966669
10. Dar-Nimrod I. Death Awareness and Terror Management Theory // Existential Concerns and Cognitive-Behavioral Procedures: An Integrative Approach to Mental Health / Menzies R.G., Menzies R.E., Dingle G.A. (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 35–55. doi:10.1007/978-3-031-06932-1_3
11. Duckitt J., Wagner C., Du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(1). P. 75–93. doi:10.1037/0022-3514.83.1.75
12. Gantman A.P., Paluck E.L. What is the psychological appeal of the serial rapist model? Worldviews predicting endorsement // Behavioural Public Policy. 2022. P. 1–16. doi:10.1017/bpp.2022.28

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

13. *Götzsche-Astrup O.* Pathways to violence: do uncertainty and dark world perceptions increase intentions to engage in political violence? // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2021. Vol. 13(2). P. 142–159. doi:10.1080/19434472.2020.1714693
14. *Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not All Ideologies are Created Equal: Epistemic, Existential, and Relational Needs Predict System-Justifying Attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30(6). P. 669–688. doi:10.1521/soco.2012.30.6.669
15. *Higgins E.T.* Shared reality: what makes us strong and tears us apart. New York, NY: Oxford University Press, 2019. 336 p. doi:10.1093/oso/9780190948054.001.0001
16. *Hulin C., Netemeyer R.G., Cudeck R.* Can a reliability coefficient be too high? // *Journal of Consumer Psychology*. 2001. Vol. 10(1). P. 55–58. doi:10.2307/1480474
17. *Jost J.T.* Left and right: the psychological significance of a political distinction. New York, NY: Oxford University Press, 2021. 397 p.
18. *Kay A.C., Jost J.T., Young S.* Victim Derogation and Victim Enhancement as Alternate Routes to System Justification // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16(3). P. 240–246. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
19. *Kazmi S.M.A., Tarar A.H., Nasir A., Iftikhar R.* Victim blaming, prior history to sexual victimization, support for sexually assaulted friends, and rape myths acceptance as predictors of attitudes towards rape victims in the general population of Pakistan // *Egyptian Journal of Forensic Sciences*. 2023. Vol. 13(1). P. 1–10. doi:10.1186/s41935-023-00340-7
20. *Łyś A.E., Studzińska A., Bargiel-Matusiewicz K., Nyúl B., Folkierska-Żukowska M.* Myths Concerning Sexual Violence Toward Women in Poland, Hungary, and Norway in the Context of System Justification Theory: The Role of Beliefs in the Biological Origins of Gender Differences and Ambivalent Sexism // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37(17-18). P. NP16647–NP16669. doi:10.1177/08862605211023487
21. *Łyś A.E., Bargiel-Matusiewicz K., Krasuski T., Studzińska A.* Psychometric properties of the polish updated Illinois rape myth acceptance scale // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42(1). P. 445–459. doi:10.2147/PPA.S101904
22. *Murray C., Calderón C., Bahamondes J.* Modern Rape Myths: Justifying Victim and Perpetrator Blame in Sexual Violence // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20(3). P. 1663. doi:10.3390/ijerph20031663
23. *Oliver A., Navarro-Perez J.J., Tomás J.M., Rodrigo M.F.* Cognitive and personality variables as predictors of sexism against women in Spanish adolescents // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023. Vol. 40(5). P. 1645–1669. doi:10.1177/02654075221133062
24. *Payne D.L., Lonsway K.A., Fitzgerald L.F.* Rape Myth Acceptance: Exploration of Its Structure and Its Measurement Using the Illinois Rape Myth Acceptance Scale // *Journal of Research in Personality*. 1999. Vol. 33(1). P. 27–68. doi:10.1006/jrpe.1998.2238
25. *Polaschek D.L.L., Gannon T.A.* The Implicit Theories of Rapists: What Convicted Offenders Tell Us // *Sexual Abuse*. 2004. Vol. 16(4). P. 299–314. doi:10.1177/107906320401600404
26. *Roets A., Van Hiel A.* Allport's Prejudiced Personality Today: Need for Closure as the Motivated Cognitive Basis of Prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20(6). P. 349–354. doi:10.1177/0963721411424894
27. *Roets A., Van Hiel A., Dhont K.* Is Sexism a Gender Issue? A Motivated Social Cognition Perspective on Men's and Women's Sexist Attitudes toward Own and Other Gender // *European Journal of Personality*. 2012. Vol. 26(3). P. 350–359. doi:10.1002/per.843

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

28. Rosseel Y. Iavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48(2). P. 1–36. doi:10.18637/jss.v048.i02
29. Sankaran S., Kossowska M., Von Hecker U. When do they push the right buttons? Need for closure and the role of perceived control in situations of uncertainty // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 213(5). P. 1–10. doi:10.1016/j.paid.2023.112316
30. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review // *The Journal of Educational Research*. 2006. Vol. 99(6). P. 323–338. doi:10.3200/JOER.99.6.323-338
31. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Antecedents of Men’s Hostile and Benevolent Sexism: The Dual Roles of Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33(2). P. 160–172. doi:10.1177/0146167206294745
32. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Effects of Dangerous and Competitive Worldviews on Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation over a Five-Month Period // *Political Psychology*. 2007. Vol. 28(3). P. 357–371. doi:10.1111/j.1467-9221.2007.00572.x
33. Webber D., Kruglanski A., Molinaro E., Jasko K. Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 107–111. doi:10.1016/j.cobeha.2020.01.004
34. Wong P.T. R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application* / R.A. Neimeyer (ed.). Taylor & Francis, 2015. P. 121–148.
35. Xue J., Lin K. Chinese University Students’ Attitudes Toward Rape Myth Acceptance: The Role of Gender, Sexual Stereotypes, and Adversarial Sexual Beliefs // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37(5-6). P. 2467–2486. doi:10.1177/0886260520938507

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial’nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt’s Scales]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshей shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68–89. (In Russ.).
2. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed 15.07.2023). (In Russ.).
3. Khudoi mir — ili dobraya ssora? [Elektronnyi resurs]. *VTsIOM Novosti = Russian Public Opinion Research Center (JSC “VCIOM”)*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (Accessed 15.07.2023). (In Russ.).
4. Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. “Mne izvestno, chto mne nichego ne izvestno”. Sotsial’no-kognitivnye predposylki podderzhki radikal’nykh vzglyadov [“I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. doi:10.17759/sps.2021120307 (In Russ.).
5. Chistopolskaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Ozol S.N., Chubina S.A. Sozdanie kratkikh russkoyazychnykh versii oprosnikov “Otnoshenie k smerti” i “Strakh lichnoi smerti” [Construction of short Russian versions of death attitude profile-revised and fear of personal death scale]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017. Vol. 8, no. 4 (29), pp. 43–55. (In Russ.).

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

6. Baldner C., Pierro A. The Trials of Women Leaders in the Workforce: How a Need for Cognitive Closure can Influence Acceptance of Harmful Gender Stereotypes. *Sex Roles*, 2019. Vol. 80, no. 9-10, pp. 565–577. doi:10.1007/s11199-018-0953-1
7. Balezina M., Zakharova S. Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the Illinois rape myths acceptance scale. *Current Psychology*, 2023, pp. 1–11. doi:10.1007/s12144-023-04666-2
8. Canto J.M., San Martín J., Perles F., Vallejo M. Persons Who Fear Freedom and Equality Are the Ones Who Most Blame Women Who are Victims of Acquaintance Rape. *Violence Against Women*, 2021. Vol. 27, no. 6-7, pp. 731–747.
9. Cooke E.M., Lewis R.H., Hayes B.E., Bouffard L.A., Boisvert D.L., Wells J., Kavish N., Woekene M., Armstrong T.A. Examining the Relationship Between Victimization, Psychopathy, and the Acceptance of Rape Myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 9-10, pp. NP6384–NP6404. doi:10.1177/0886260520966669
10. Dar-Nimrod I. Death Awareness and Terror Management Theory. In Menzies R.G., Menzies R.E., Dingle G.A. (eds.). *Existential Concerns and Cognitive-Behavioral Procedures: An Integrative Approach to Mental Health*. Cham: Springer International Publishing, 2022, pp. 35–55. doi:10.1007/978-3-031-06932-1_3
11. Duckitt J., Wagner C., Du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 1, pp. 75–93. doi:10.1037/0022-3514.83.1.75
12. Gantman A.P., Paluck E.L. What is the psychological appeal of the serial rapist model? Worldviews predicting endorsement. *Behavioural Public Policy*, 2022, pp. 1–16. doi:10.1017/bpp.2022.28
13. Gøtzsche-Astrup O. Pathways to violence: do uncertainty and dark world perceptions increase intentions to engage in political violence? *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2021. Vol. 13, no. 2, pp. 142–159. doi:10.1080/19434472.2020.1714693
14. Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T. Not All Ideologies are Created Equal: Epistemic, Existential, and Relational Needs Predict System-Justifying Attitudes. *Social Cognition*, 2012. Vol. 30, no. 6, pp. 669–688. doi:10.1521/soco.2012.30.6.669
15. Higgins E.T. *Shared reality: what makes us strong and tears us apart*. New York, NY: Oxford University Press, 2019. 336 p. doi:10.1093/oso/9780190948054.001.0001
16. Hulin C., Netemeyer R.G., Cudeck R. Can a reliability coefficient be too high? *Journal of Consumer Psychology*, 2001. Vol. 10, no. 1, pp. 55–58. doi:10.2307/1480474
17. Jost J.T. *Left and right: the psychological significance of a political distinction*. New York, NY: Oxford University Press, 2021. 397 p.
18. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim Derogation and Victim Enhancement as Alternate Routes to System Justification. *Psychological Science*, 2005. Vol. 16, no. 3, pp. 240–246. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
19. Kazmi S.M.A., Tarar A.H., Nasir A., Iftikhar R. Victim blaming, prior history to sexual victimization, support for sexually assaulted friends, and rape myths acceptance as predictors of attitudes towards rape victims in the general population of Pakistan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–10. doi:10.1186/s41935-023-00340-7
20. Łyś A.E., Studzińska A., Bargiel-Matusiewicz K., Nyúl B., Folkierska-Żukowska M. Myths Concerning Sexual Violence Toward Women in Poland, Hungary, and Norway in the Context of System Justification Theory: The Role of Beliefs in the Biological Origins of Gender Differences

- and Ambivalent Sexism. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 17-18, pp. NP16647–NP16669. doi:10.1177/08862605211023487
21. Łyś A.E., Bargiel-Matusiewicz K., Krasuski T., Studzińska A. Psychometric properties of the polish updated Illinois rape myth acceptance scale. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, no. 1, pp. 445–459. doi:10.2147/PPA.S101904
22. Murray C., Calderón C., Bahamondes J. Modern Rape Myths: Justifying Victim and Perpetrator Blame in Sexual Violence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 3, pp. 1663. doi:10.3390/ijerph20031663
23. Oliver A., Navarro-Perez J.J., Tomás J.M., Rodrigo M.F. Cognitive and personality variables as predictors of sexism against women in Spanish adolescents. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023. Vol. 40, no. 5, pp. 1645–1669. doi:10.1177/02654075221133062
24. Payne D.L., Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape Myth Acceptance: Exploration of Its Structure and Its Measurement Using the Illinois Rape Myth Acceptance Scale. *Journal of Research in Personality*, 1999. Vol. 33, no. 1, pp. 27–68. doi:10.1006/jrpe.1998.2238
25. Polaschek D.L.L., Gannon T.A. The Implicit Theories of Rapists: What Convicted Offenders Tell Us. *Sexual Abuse*, 2004. Vol. 16, no. 4, pp. 299–314. doi:10.1177/107906320401600404
26. Roets A., Van Hiel A. Allport's Prejudiced Personality Today: Need for Closure as the Motivated Cognitive Basis of Prejudice. *Current Directions in Psychological Science*, 2011. Vol. 20, no. 6, pp. 349–354. doi:10.1177/0963721411424894
27. Roets A., Van Hiel A., Dhont K. Is Sexism a Gender Issue? A Motivated Social Cognition Perspective on Men's and Women's Sexist Attitudes toward Own and Other Gender. *European Journal of Personality*, 2012. Vol. 26, no. 3, pp. 350–359. doi:10.1002/per.843
28. Rosseel Y. Iavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48, no. 2, pp. 1–36. doi:10.18637/jss.v048.i02
29. Sankaran S., Kossowska M., Von Hecker U. When do they push the right buttons? Need for closure and the role of perceived control in situations of uncertainty. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 213, no. 5, pp. 1–10. doi:10.1016/j.paid.2023.112316
30. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review. *The Journal of Educational Research*, 2006. Vol. 99, no. 6, pp. 323–338. doi:10.3200/JOER.99.6.323-338
31. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Antecedents of Men's Hostile and Benevolent Sexism: The Dual Roles of Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33, no. 2, pp. 160–172. doi:10.1177/0146167206294745
32. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Effects of Dangerous and Competitive Worldviews on Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation over a Five-Month Period. *Political Psychology*, 2007. Vol. 28, no. 3, pp. 357–371. doi:10.1111/j.1467-9221.2007.00572.x
33. Webber D., Kruglanski A., Molinario E., Jasko K. Ideologies that justify political violence. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 34, pp. 107–111. doi:10.1016/j.cobeha.2020.01.004
34. Wong P.T. R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. Taylor & Francis, 2015, pp. 121–148.
35. Xue J., Lin K. Chinese University Students' Attitudes Toward Rape Myth Acceptance: The Role of Gender, Sexual Stereotypes, and Adversarial Sexual Beliefs. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 5-6, pp. 2467–2486. doi:10.1177/0886260520938507

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

Информация об авторах

Ананьева Ольга Алексеевна, аспирант, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Прусова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заведующая, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Захарова Софья Алексеевна, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

Information about the authors

Olga A. Ananyeva, Graduate Student, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova, PhD in Psychology, Head, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Sofia A. Zakharova, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

Получена 01.09.2023
Принята в печать 10.01.2024

Received 01.09.2023
Accepted 10.01.2024